

№ 1.

Цѣна 10 коп.

Годъ изданія I. 1906 г.

Цѣна № 10 коп.

DK262
R9
Roz. 08.10.06

ОВОДЪ

Отъ Редакціи.

Оводъ!.. Беря для нашего журнала названіе „Оводъ“ — мы сдѣлали это не безъ цѣли. „Оводъ“, поставилъ себѣ задачей безпощадно запускать свое жало, даже съ рискомъ для жизни, во все праздное, тѣнивое, злое, ложное; во все и вся любящее тьму и боящееся свѣта. Особенно сильно наше жало будетъ направлено на враговъ: правды, свободы, чести и совѣсти.

Сомнѣ Оводовъ посланъ нами во все уголки нашего обширнаго отечества, на развѣдки о врагахъ: правды, свободы, чести и совѣсти; и мы не дадимъ ни малѣйшаго снисхожденія виновнымъ, замѣченнымъ хотя-бы въ элементарномъ нарушеніи нашего кодекса.

И вы, читатель, покорнѣе просимъ сообщать редакціи о тѣхъ или иныхъ фактахъ повседневной жизни — такъ или иначе нарушающихъ права человека и гражданина.

Итакъ: Впередъ! впередъ!... тѣмъ нашъ „Оводъ“.

Вопросъ рѣшенъ. Скорѣй за дѣло
Бери послушное перо,
И все, чѣмъ сердце наболѣло,
Излей правдиво и остро.
Излей! Увы! Есть въ лейкѣ клапанъ,
Своеобразенъ русскій край,
И, перешедшій мѣру, клапанъ
Легко быть можетъ краснобай.
Когда имѣютъ дѣло съ саблей,
То плохи русскіе полки,
Но, исполняя роль констатлей,
Нагайкой хлещутъ мастерски..
Доколѣ-жъ, Господи, доколѣ
Терпѣнья хватить у людей!
У насъ веревокъ мало что-ли,
Иль не достанетъ фонарей?
Мы терпимъ, терпимъ и лепечемъ,
Закрывъ на ужасы глаза,
Дышать намъ скоро будетъ нечѣмъ.
Когда-жъ, когда придетъ гроза?
Висятъ давно, нахмурясь, тучи..
Гроза желанная, приди!
И всѣхъ насъ, грянувъ, громъ могучій
Отъ духоты освободи.

Не—Гейне XX вѣка.

КЪ СОЗЫВУ ДУМЫ.

Пронеслася вѣсть благая,
Что къ срединѣ января
Вся Россія „молодая“,
Вѣрой въ лучшее горя,
Получаетъ отпущенье
Молодыхъ грѣховъ своихъ,
Чтобъ вложить свое бѣенье
Въ Думу „Сирыхъ и сѣдыхъ“, —
Поцѣлуемъ съ феи спящей
Колдовства разсѣять сѣнь..

Такъ лучи зари горячей
Укорачиваютъ тѣнь.

Гіеталь.

Театральныя новинки.

Драматической цензурою разрѣшены къ представленію слѣдующія новинки: „Семейство Урново“, трагед. въ 4 д.; „Герои черной сотни“, трагедія во многихъ актахъ; „Свинья въ ермолкѣ“, оригинальный фарсъ въ 2 дѣйствіяхъ сочиненія Искандера Тертіуса. „Женитьба Витте“, водевиль съ переодѣваніями, соч. Матильды Екатеринбургской; „Смерть Вячеслава I-го“, трагедія въ одномъ днѣ, соч. Сазонова.

П. М.

Новые романсы. На дняхъ въ музыкальныхъ магазинахъ появились новые романсы: „Уйди, не гугай, не смѣши!“, соч. Пьетро Бразиліани; „Увѣчанъ я короной графской“, для баритона, соч. Сержа Портсмутскаго.

Композиторъ М. Ивановъ пишетъ оперу „Упраздненіе Шлиссельбурга“, либретто Л. Волкенштейнъ.

Извѣстный всей Россіи артистъ на новое амплуа палачей-душителѣй г. Д. Басовъ получаетъ отъ многихъ генералъ-губернаторовъ приглашенія на рядъ гастролей въ провинціи. Д. Басовъ отвѣтилъ, что ему и въ Москвѣ хорошо живется. Странный отказъ!..

Неонъ.

Загадка.

Что такое три покоя?

Партія правового порядка.

Посвящается Куропаткину.

Какъ на войну поѣхалъ онъ,
Врагамъ пророчилъ поражение,
И врагъ былъ страшно пораженъ...
Его побѣгомъ со сраженья.

„Насъ не разбили!“—онъ сказалъ
И тѣ слова правдивы были,
Онъ всей компаньей доказалъ,
Что насъ въ сраженьяхъ не разбили.

Изъ записной книжки городского.

ПРѢХОТЪ.

За разреше́нiе носить огнестрельное ору́жiе . . . 1 руб.
За обыскъ у лѣтирадора 2 рубля.
За ложное свитетельство отъ Н 3 руб. 10 к.
За разреше́нiе торговли Свирбоеву у неурочное
время получено полностью 1 руб. 22 к.
Взята во время обыска у господина Дунаева
портмѣна а въ емъ оказалась 6 руб. 49 к.
Всяго бѣтъ . 13 руб. 81 к.

РАСХОТЪ.

Куплена бутылка вотки 45 к.
Апять куплина бутылка вотки 45 к.
У тотъ же день еще куплина вотка 45 к.
Свѣчка ко образу безсребренниковъ кузмы и Дѣмiяна . 5 к.
Пара луччива пива 22 к.
Куфаркѣ енерала Кувалдина 1 руб.
Итаво . . . 2 руб. 62 к.

Сообщилъ Ахиллъ.

Съ луны свалился.

(Фантазія).

Александръ Петровичъ потянулся и, протянувъ руку къ звонку, нѣсколько разъ позвонилъ.

Прошло минуты три,—никого.

— „Чертъ знать, что такое, навѣрно Павелъ опять пьянъ,“—онъ началъ нетерпѣливо звонить.

— Ни звука.

— „Напрасно вы сердитесь, прозвучалъ вблизи, едва слышнымъ шепотомъ, незнакомый голосъ, вашъ Павелъ на „миттингѣ“.

— Кто здѣсь, какъ Вы сюда попали? еле могъ выговорить Александръ Петровичъ, и дрожащими руками зажегъ свѣчу. Тѣло его было настолько парализованно, что онъ не въ силахъ былъ встать съ кровати и, сидя съ поднятымъ подсвѣчникомъ надъ головой, старался разглядѣть таинственнаго незнакомца, который произнесъ непонятное слово „миттингъ“.

Въ креслѣ сидѣлъ совершенно посторонній для него человѣкъ и спокойно курилъ его дорогія сигары.

Незнакомецъ уловилъ его вопросительно-удивленный взглядъ.

— Поражены, не такъ ли, моимъ вторженіемъ сюда? А произошло это просто: Павелъ, спѣша, забылъ запереть дверь, а такъ какъ на дворѣ адеки холодно, я вошелъ сюда, и скажу вамъ прямо, здѣсь великолѣпно.

Нахальство незнакомца возбѣсило Александра Петровича, онъ соскочилъ съ кровати и началъ торопливо одѣваться, рѣшивъ поскорѣе выпроводить незваннаго гостя.

Незнакомецъ положительно читалъ его мысли.

— Вашего стражника-швейцара также нѣтъ на своемъ посту, азвительно прошепталъ гость, онъ также на „миттингѣ“.

— Что вамъ надо, наконецъ отъ меня, и что такое означаетъ это странное слово „миттингъ“.

— Ха, ха, ха, какъ, вы даже не знаете, что означаетъ это слово, чудесно, вотъ такъ сюрпризъ, а знакомо ли вамъ еще слѣдующее: свобода слова, свобода личности, свобода печати, конституція, обструкція... незнакомецъ заливался на весь домъ, а бѣдный Александръ Петровичъ смотрѣлъ разширенными глазами, и зубы его отчетливо выбивали дробь.

— Что-же это, я съ ума схожу, гдѣ вы все это вычитали едва могъ онъ выговорить.

— Ну, батенька, я вижу вы съ луны свалились.

Зайдя къ вамъ, я не думалъ, что встрѣчу, что либо подобное. Восхитительная наивность. Онъ спрашиваетъ, гдѣ я читалъ. Младенецъ годовалый знаетъ больше, чѣмъ вы. Стыдитесь, дожить до сѣдыхъ волосъ, и не знать что на свѣтѣ творится,

— Одѣвайтесь, и въ путь, я вамъ много покажу.

— Ну, скорѣй, скорѣй, а то мнѣ спѣшить надо.

Какъ истуканъ слѣдовалъ за гостемъ Александръ Петровичъ, одѣлся, и пораженный глядѣлъ, какъ незнакомецъ напяливалъ на себя его новое пальто.

Выйдя на улицу и пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился, какой то оборванецъ хриплымъ голосомъ кричалъ: „любвныя письма Ковалевскаго къ Шабельской, три копѣйки.“

— Послушайте, какъ онъ смѣетъ продавать подобныя вещи, въ полицію его, арестовать, кипятился Александръ Петровичъ. Собралась кучка народа, одни хохотали, другіе называли его прямо дуракомъ.

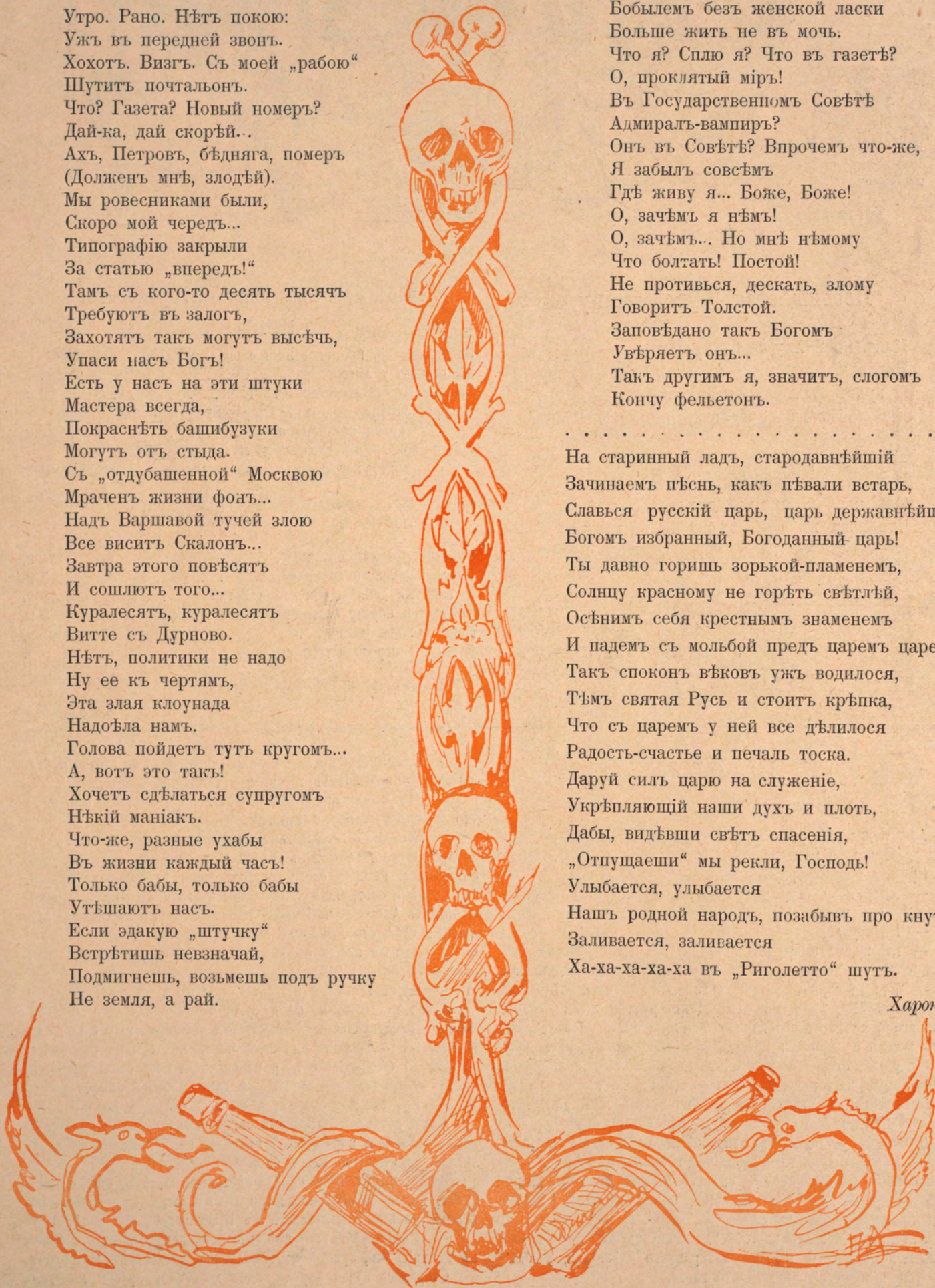
З И Г ЗА Г И.

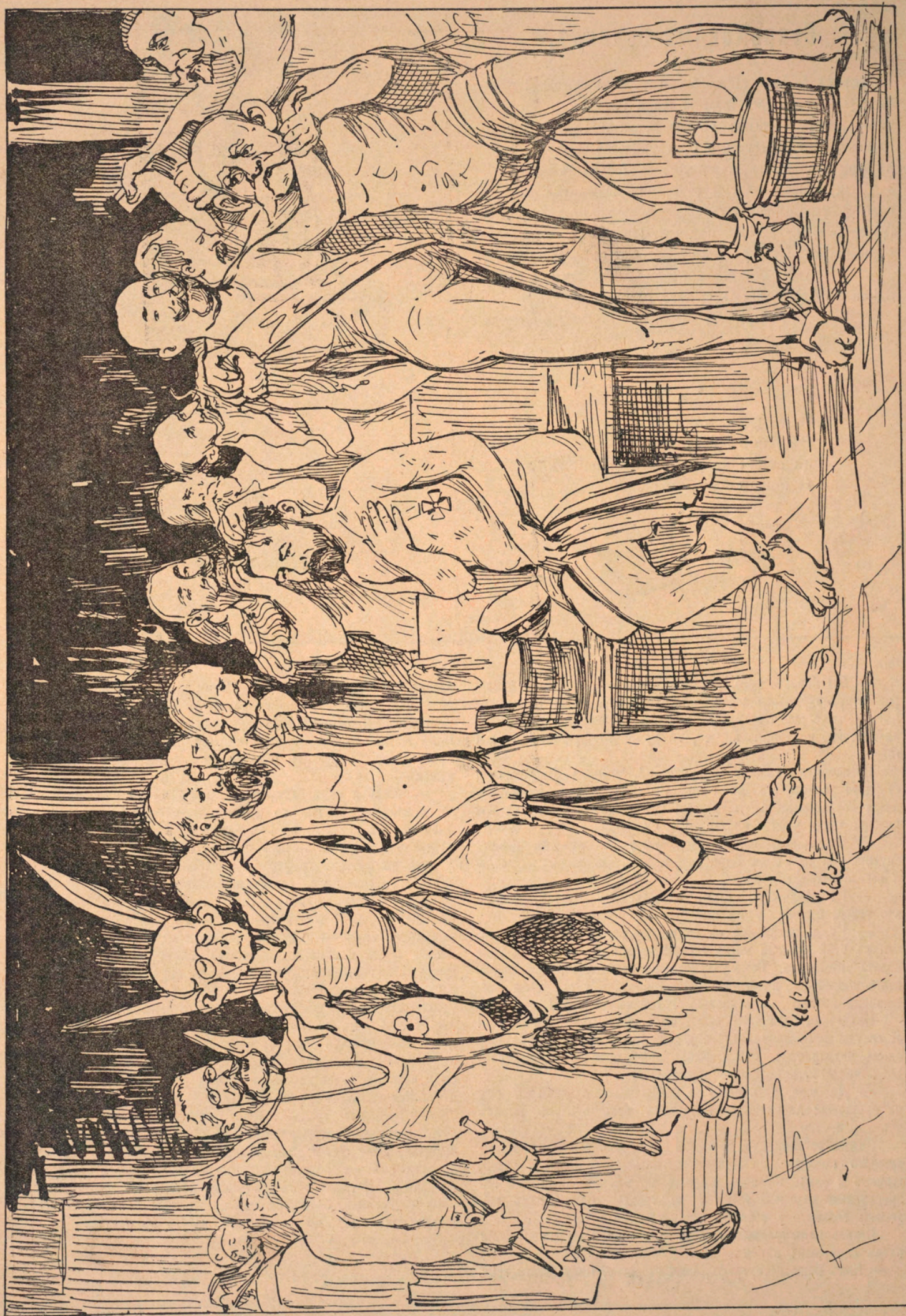
Утро. Рано. Нѣтъ покою:
 Ужъ въ передней звонъ.
 Хохотъ. Визгъ. Съ моею „работою“
 Шутить почтальонъ.
 Что? Газета? Новый номеръ?
 Дай-ка, дай скорѣй..
 Ахъ, Петровъ, бѣдняга, померъ
 (Долженъ мнѣ, злодѣй).
 Мы ровесниками были,
 Скоро мой чередъ..
 Типографію закрыли
 За статью „впередъ!“
 Тамъ съ кого-то десять тысячъ
 Требуютъ въ залогъ,
 Захотятъ такъ могутъ высѣчь,
 Упаси насъ Богъ!
 Есть у насъ на эти штуки
 Мастера всегда,
 Покраснѣть башибузуки
 Могутъ отъ стыда.
 Съ „отдубашенной“ Москвою
 Мраченъ жизни фонъ..
 Надъ Варшавой тучей злою
 Все виситъ Скалонъ..
 Завтра этого повѣсятъ
 И сошлютъ того..
 Куралесятъ, куралесятъ
 Витте съ Дурново.
 Нѣтъ, политики не надо
 Ну ее къ чертямъ,
 Эта злая клоунада
 Надоѣла намъ.
 Голова пойдетъ тутъ кругомъ..
 А, вотъ это такъ!
 Хочетъ сдѣлаться супругомъ
 Нѣкій маніакъ.
 Что-же, разные ухабы
 Въ жизни каждый часъ!
 Только бабы, только бабы
 Утѣшаютъ насъ.
 Если эдакую „штучку“
 Встрѣтишь невзначай,
 Подмигнешь, возьмешь подъ ручку
 Не земля, а рай.

Объявленіе безъ опаски
 Тиснуть самъ не прочь..
 Бобылемъ безъ женской ласки
 Больше жить не въ мочь.
 Что я? Сплю я? Что въ газетъ?
 О, проклятый міръ!
 Въ Государственномъ Совѣтѣ
 Адмиралъ-вампиръ?
 Онъ въ Совѣтѣ? Впрочемъ что-же,
 Я забылъ совѣтъ
 Гдѣ живу я... Боже, Боже!
 О, зачѣмъ я нѣмъ!
 О, зачѣмъ... Но мнѣ нѣмому
 Что болтать! Постой!
 Не противься, дескать, злому
 Говоритъ Толстой.
 Заповѣдано такъ Богомъ
 Увѣряетъ онъ..
 Такъ другимъ я, значить, слогомъ
 Кончу фельетонъ.

.....
 На старинный ладъ, стародавнѣйшій
 Зачинаемъ пѣснь, какъ пѣвали встарь,
 Славься русскій царь, царь державнѣйшій,
 Богомъ избранный, Богоданный царь!
 Ты давно горишь зорькой-пламенемъ,
 Солнцу красному не горѣтъ свѣтлѣй,
 Осѣнимъ себя крестнымъ знаменемъ
 И падемъ съ мольбой предъ царемъ царей.
 Такъ споконъ вѣковъ ужъ водилося,
 Тѣмъ святая Русь и стоитъ крѣпка,
 Что съ царемъ у ней все дѣлилося
 Радость-счастье и печаль тоска.
 Даруй силъ царю на служеніе,
 Укрѣпляющій наши духъ и плоть,
 Дабы, видѣвши свѣтъ спасенія,
 „Отпускаеши“ мы рекли, Господь!
 Улыбается, улыбается
 Нашъ родной народъ, позабывъ про кнутъ,
 Заливается, заливается
 Ха-ха-ха-ха-ха въ „Риголетто“ шутъ.

Харонъ.

Маньжурская баня.

Современный Сонникъ.

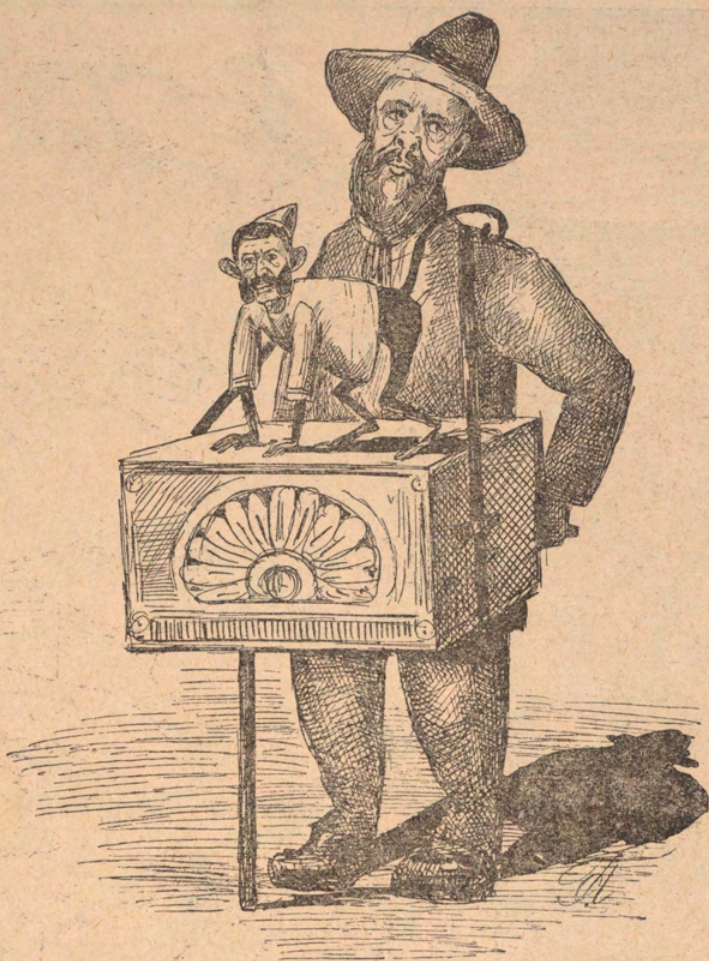
Въ тюрьмѣ сидѣть—сдѣлаться редакторомъ свободной газеты.
 Лисицу убить—читать творенія графа Витте.
 Флюгеръ видѣть—читать «Новое Время».
 Перцовку пить—говорить о газетѣ «Слово».
 Патроны изготовлять—встрѣтиться съ Треповымъ
 Заграницу удирать—читать объясненія Нейдгарта.
 Красную матерію покупать—попасть въ предварилку.
 Градоначальника видѣть—подвергнуться обыску.
 Бразильскую обезьяну дразнить—сдѣлаться директоромъ де-
 партамента полиціи.
 Идіота встрѣтить—читать приказы одесскаго правителя
 Кара-Нгозова...

Картечь.

* * *

Какъ редакторомъ опасно
 Въ наше время быть друзьямъ:
 За стихи въ журналѣ красномъ
 Я попался... безъ суда.

Р. К.

— Ты баринъ, того, путаешь, замѣтилъ какой-то масте-
 ровой, теперь только ледаторовъ арестуютъ да журналы раз-
 ные, и чтобы за что серьезное, ни Боже мой! за оскорбленія
 личностей, не трогаютъ. Что, хошь, то и выкрикивай, окромя
 газетъ.

Незнакомецъ тащилъ за рукавъ Александра Петровича и
 старался усадить его въ сани. Поѣхали. Около гостиннаго
 двора незнакомецъ слѣзъ, вошелъ въ магазинъ дамскихъ на-
 рядовъ, взялъ черное платье, мантию и косынку.

— Ну, живей, облачайтесь, обратился онъ къ своему
 спутнику, и ѣдемъ на Карповку, въ обитель, возьмемъ келью
 и весело проведемъ время.

— Въ монастырь, келью, въ дамскомъ платьѣ, что-же
 это такое, къ чему этотъ маскарадъ?

— Ну, и потѣха-же съ вами. Неужели—вы не читали,
 что въ этой обители масса веселящихся парочекъ время про-
 водятъ превесело. Самъ Іоаннъ Кронштадтскій, основатель
 этого монастыря, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы свя-
 щенники немного повеселились. Что тамъ творится!

Магдалина одна тамъ была, вотъ новостей-то наговорила!
 И сосуды тамъ пропадали, и деньги-то тамъ выманивали, и
 адомъ пугали тѣхъ, кто вздумалъ противорѣчить, однимъ сло-
 вомъ предстоить никантный процессикъ.

— Да, еще, чуть было не забылъ, но продолжать ему
 не пришлось: Александръ Петровичъ безъ чувствъ выпалъ
 изъ саней.

Подозвавъ дворника, и поднявъ его, онъ позвонилъ у рос-
 кошнаго особняка на Каменноостровскомъ. Выбѣжали лакеи,
 вышелъ и самъ хозяинъ, высокій представительный, съ во-
 просительной-холодной улыбкой на губахъ, и приказалъ по-
 ложить больного у себя въ кабинетъ.

Незнакомецъ чувствовалъ себя какъ дома. Ни тѣни смущенія
 предъ сановнымъ лицомъ, ни подобострастія.

— Какъ поживаете, графъ, какъ здоровье? Опять масса вамъ

хлопотъ, поѣздокъ, докладовъ.—Какъ вы только живы до сихъ
 поръ, поражаюсь. На вашемъ мѣстѣ, я давно бы ликвидировалъ
 свои дѣла. Время безпокойное, люди точно звѣри голодные.
 Поля Москвы сожгли, пулеметами оглушили совѣтъ москвичей.
 Храмы свои въ арсеналы обратили, съ колоколенъ палили изъ
 пушекъ.

— Какъ я вамъ сочувствую, графъ, вы не повѣрите.

А величіе, величіе то какое. Завидую я вамъ, право.
 Давно-ли мы съ вами на югѣ служили, въ правленіи, давно-
 ли устроить васъ въ Питерѣ хлопотали, и устроили. Давно-ли?
 А вотъ вы фигура, графъ, на васъ вся Европа смотритъ и
 думаетъ: «Доколе-ты, создатель терпѣливъ будешь. Я—же
 обреченъ обивать чужіе пороги, чтобы отогрѣть свои за-
 стывшіе члены. И все-таки, еслибы мнѣ предложили быть на
 вашемъ мѣстѣ, я бы отказался, изъ за самолюбія бы отказался.

— Ну, и потѣха доложу вамъ. Сей субъектъ, вообразите,
 графъ, заболѣлъ оттого, что я ему на дѣлѣ хотѣлъ показать,
 какъ онъ отсталъ. Онъ не знаетъ что есть свобода, консти-
 туція, спрашивалъ меня гдѣ я читалъ о чемъ либо подобномъ.
 Хорошо? И вотъ печальный результатъ. А проpros, графъ, если
 я не ошибаюсь, то генералу фонъ-Поппену дана пенсія и от-
 ставка? Ну, и генералъ, храбрый, я вамъ доложу. Бѣжалъ
 сюда чуть ли не въ дамскомъ одѣяніи, бросивъ свою дивизію—
 и добился такъ быстро желаемого...

— Отчего-же графъ, все то, что отъ васъ зависить, такъ
 долго тянется. Чего-чего только не обѣщали, шутникъ-же вы,
 большой, ваше сіятельство, заливался незнакомецъ. Отъ его
 краснаго смѣха задрожали окна, воскресла Порфирія и проснулся
 Александръ Петровичъ съ холоднымъ потомъ на лбу.

— „Господи, благодарю тебя, шепталъ онъ, крестьянъ,
 только сонъ былъ, но какой сонъ, вдругъ въ руку?...

Р. К.

Будущее столицы.

Нынче такъ людей хватають
И кутузки набивають,
Что на Невскомъ и Морской
Скоро сгинетъ людъ людской.
И тогда узришь сначала
Цвѣтъ оранжевый шакала,
А замѣсто людскихъ лицъ—
Стаю синихъ хищныхъ птицъ.
Встрѣтишь суши адмирала
Иль „отъ труповъ генерала“
И еще, пожалуй, то,—
Что въ гороховомъ пальто.
Дудокъ свистомъ оглушая
Бой у Прѣсни воспѣвая
„Полкъ“ Семеновскій пройдетъ
И за аркой пропадетъ:
Тамъ исчезнутъ молодцы
[Не найду риѣмы на „цы“].
Иль скотовъ промчится стадо
Что погнать на бойню надо.
Или рядъ такихъ головъ,
Что лягается безъ словъ,
Но, хоть день деньской глазѣй,
Не найдешь ты тамъ людей.

Literatur.

Кіевскіе Проценки, Ясногурскіе, Чоколовы, Ясирскіе и прочіе истинно-русскіе люди (при встрѣчѣ съ истинно-рускимъ челоѣкомъ держись за карманъ) договорились.

Въ Лукьяновскомъ Народномъ домѣ было собраніе „истинно-русскихъ людей“.—Когда собраніе закончилось одинъ изъ участвовавшихъ, г. Трескинъ, предложилъ:

— Пошлемъ депутацію къ нашему Минину!

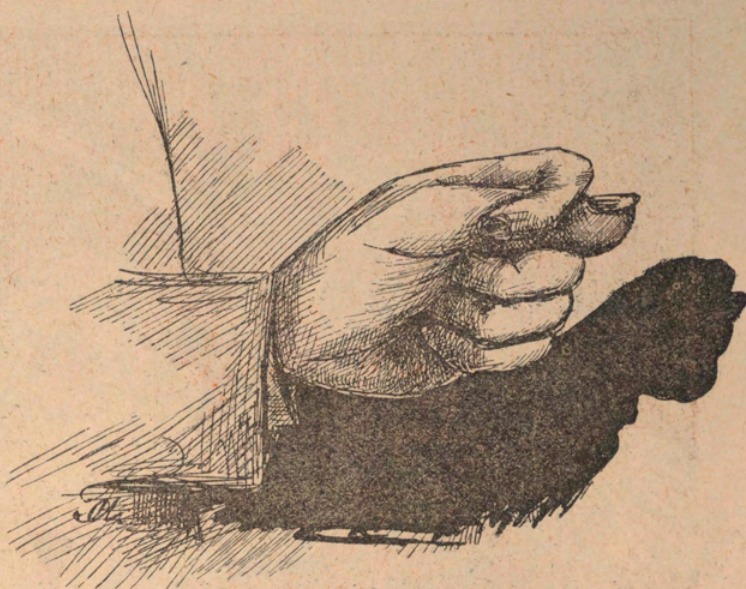
— Кому?!

— Пихно!

Предложеніе принято.

Еѣднй, честный, гражданинъ Минин! — прсти этимъ несчастнымъ, потерявшимъ всякое самелюбіе людямъ, позволившимъ сравнить тебя съ Пихно...

?

Что мы получили?

* * *

То было зимнею порой,
Съ сынкомъ въ Москвѣ мы жили;
Усталые, съ пустой сумой,
Въ свой уголь съ нимъ спѣшили.
День неудачный былъ для насъ:
Мы хлѣба не достали,
И слезы горькія изъ глазъ,
Лились и замерзали..
Опасенъ былъ нашъ дальній путь,
Брели едва живые,
И ныла, истомившись грудь,
Вставали дни былые
Всѣ промелькнуло предо мной,
Какъ грозное видѣнье:
— За что убить кормилецъ мой!
За что терплю гоненье!
Вдругъ помертвѣлъ сынишко мой,
Обнялъ меня руками:
Взглянула я,—о Богъ живой,
Казакі передъ нами.
Прикрыла сына я полгой,
Вся кровь во мнѣ застыла.
И грянулъ выстрѣлъ роковой,
Судьба не пощадила..
Держала трупъ я на рукахъ,
А казакі смѣялись.
— Со всѣми поступаемъ такъ
Чтобъ по ночамъ не шлялись!..

Р. К.

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„О В О Д Ъ“

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 4 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 коп. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

Пріемъ по дѣламъ редакціи: въ воскр. отъ 1 до 4 ч. дня, по вторник. и четверг. отъ 8 до 9 ч. вечера.

Редакція и Контора помѣщается: Дегтярный пер., д. № 14, кв. 28.

Издательница А. Д. Рысисъ.

КАРОВАЯ СКОРОПЕЧАТНІЯ Г. ПОМАРОВА СПБ. ВАГОРОДН. 8

Отв. редакторъ Ф. К. Зиминъ.

DK262
.R9
Ran 6A.
200m

№ 2.

Годъ изданія I., 1908 г.

Цѣна № 10 коп.

ОВОДЪ

НА ЗАРЬ.

Она встаетъ, кровавая заря
Зловѣщимъ призракомъ грядущаго разсвѣта
И вокругъ нея и земли и моря—
Все багряницею пурпурною одѣто.

Въ ея лучахъ ничтожная земля
Какъ кровью залита, какъ адъ мрачна, сурова
И люди, бѣдное ничтожество и тля
По ней ползутъ ища пристанищъ, крова...

И чѣмъ свѣтлѣй, чѣмъ ярче небеса,
Тѣмъ все сильнѣй кротовъ земныхъ тревога
И рѣзче все звучать ихъ голоса:
Намъ свѣта дайте! Дайте бога!

Увы, слѣпа, ничтожна тварь земли
Предъ солнцемъ счастья, грядущимъ новымъ міромъ
Мертва душа возставшая изъ тли,
Какъ истуканъ забытый предъ кумиромъ.

Рабы земли! въ васъ жизни, вѣры нѣтъ,
Вашъ богъ—не богъ, страшна вамъ искра свѣта
И вы-ль кроты пришли встрѣчать разсвѣтъ,
Изъ пышныхъ залъ съ блестящаго паркета...

Нѣтъ, не для васъ багряная заря
Теперь возшла надъ русскою землею
Вамъ будуаръ при свѣтѣ фонаря
Милѣй небесъ съ ихъ яркою зарею.

Пируйте-жъ тамъ въ роскошныхъ тайникахъ
Въ объятяхъ лжи, продажнаго разврата
Пусть лишь покой внушаетъ, а не страхъ
Вамъ счастья мигъ дающая палата.

Она взойдетъ кровавая заря
И сквозь драпри багряными лучами
Раскроетъ вамъ отмщеніемъ горя
Всю вашу жизнь предъ вашими очами.

Она сотретъ, прогонитъ фальши тѣнь
Она воздастъ вамъ горе все народа
И вновь тогда настанетъ ясный день
И оживетъ погибшая свобода.

А. Георгиевскій.

Два міра.

Есть міръ земной, то міръ, гдѣ люди,
Въ борьбѣ тяжелой вѣкъ живутъ,
Гдѣ льются слезы, стонутъ груди,
Гдѣ цѣпи рабства мозгъ гнетутъ,
Гдѣ созрѣваютъ преступленья,
Гдѣ силы лучшія людей,
И ихъ высокія стремленья,
Въ нечистомъ омутѣ страстей,
Навѣкъ, безслѣдно пропадаютъ,
Гдѣ горе, счастье и порокъ
Людьми съ насмѣшкою играютъ,
Гдѣ совершенству путь далекъ.

Есть міръ иной, то міръ свободы,
Въ немъ правды свѣтитъ ясный лучъ,
Тамъ нѣтъ насилья, нѣтъ невзгоды,
И голосъ братства въ немъ могучъ.
Живетъ въ немъ вѣчная идея,
Духовной чудной красоты,
И въ этомъ мірѣ нѣтъ злодѣя
Не ядовиты въ немъ цвѣты,
И только въ немъ духъ человѣка
Дойдетъ до образа того,
Какимъ онъ былъ въ началѣ вѣка
Въ мигъ сотворенія его.

Ельзе.

ICU

Теперь, когда столпились тучи
 Надъ бѣдной родиной моей,
 Свободной пѣсни хоръ созвучий
 Не прогремитъ во славу ей.
 Теперь, когда она страдаетъ,
 Переживая время бѣды,—
 Зачѣмъ восторженный поэтъ
 Моей души не понимаетъ?
 Я говорю: пожаръ и кровь—
 А онъ: „ни то и ни другое—
 Вѣдь это солнце золотое
 Въ своемъ величьи всходитъ вновь“.
 Я говорю: „вотъ надъ горою
 Клубится дымъ... а онъ: „нѣтъ, нѣтъ,
 Тамъ тучи плотною стѣною
 Встанутъ пресѣчь намъ солнца свѣтъ“.
 Вотъ грохотъ пушекъ, свистъ картечи
 И вѣтъ пороховъ на насъ,
 А онъ: „то громъ гремитъ далече,
 Наверно дождь пойдетъ сейчасъ“.
 О, Боже правый, дай отвѣтъ,
 Моя душа къ Тебѣ взываетъ,—
 Зачѣмъ восторженный поэтъ
 Моей души не понимаетъ?
 Поэтъ торжественно звеня
 И мѣры струнъ не обрываетъ,
 Межъ тѣмъ, какъ родина моя
 Въ крови, въ дыму, во мракѣ таетъ...

... инъ ... инъ.

Печатай книги и брошюры,
 Свободой пользуйся святой —
 Безъ предварительной цензуры,
 Но съ предварительной тюрьмой.

Письмо въ Европу.

Дорогой другъ!

Письмо твое насмѣшило насъ до слезъ! Ну, можно-ли быть такимъ наивнымъ? Ты сотый разъ спрашиваешь, когда соберется Дума? Побойся Бога, голубчикъ! Кто-же можетъ дать отвѣтъ на такой непостижимый теперь вопросъ. Предложи намъ Америка 25 миллиардовъ, то и тогда, едва-ли, могли бы дать вѣрный отвѣтъ. Отчего ты къ Витте не напишешь? Онъ очень любезный и безъ, всякихъ, заднихъ мыслей! Я говорить давно знаю какъ спасти Россію, но рано еще говорить объ этомъ. Думу собрать просто, хоть завтра, но не лучше-ли подождать Вамъ, голубчикъ! Годъ, два, три, подождите, право! Обѣщаннаго три года ждутъ, а если все, что обѣщали Вамъ, сейчасъ выполнить, то какой-же смыслъ и половицамъ такимъ быть. Мы признаемся и не спѣшимъ, ждемъ. Ему то вопросъ этотъ разрѣшить ничего не стоитъ, ну, а мы, гдѣ же намъ. Онъ сила, да и хитеръ, какъ самъ сатана. А мы что, мы люди маленькіе, мы все потихонько, да полегонько—авось что большое-то—и придумаемъ. Намъ надоѣло беспокоить ихъ сіятельство! Вѣришь-ли моченьки больше нѣтъ, измались. А онъ хоть-бы что! Катается—да ухмыляется. Веселый человѣкъ, пріятно съ такимъ и дѣло имѣть. Вотъ Дурново—тотъ строгъ по старому. Такой—доложу тебѣ кремень, что Боже упаси! На дняхъ чуть—было не убили 5-лѣтнюю дѣвочку! Мать взяла ее въ гостинный дворъ, зазѣвалась на ряды, ребенокъ-же отсталъ и пошелъ куда глаза глядятъ. И какъ на грѣхъ, въ рукахъ большой, черныи мячъ!

Откуда не возьмись гордовле, дворники, цапъ-царанъ, и въ участокъ. По телефону—такъ и такъ—моль Ваше Высокопревосходительство, поймали дѣвочку, въ рукахъ бомба, что прикажете дѣлать.

— Разстрѣлать немедленно!

Чуть-чуть—не погибла Ангельская душа. Да—Богъ то еще есть на небѣ. Приходить приставъ, да такъ и обомлѣлъ, оказывается дочь его. Она какъ отца увидѣла, мячъ и выронила, всѣ застыли, думали сейчасъ разорветъ всѣхъ—потомъ едва въ себя пришли. Вотъ какъ у насъ все просто дѣлается! Приснится Дурново плохой сонъ—всѣхъ арестуютъ, приснится хорошей—выпускаютъ, опять плохой и такъ безъ конца. Да, товарищи! У насъ свобода, совсѣмъ другая! Одинъ докторъ два мѣсяца сидѣлъ; вдругъ, пожалуйста, вы свободны.

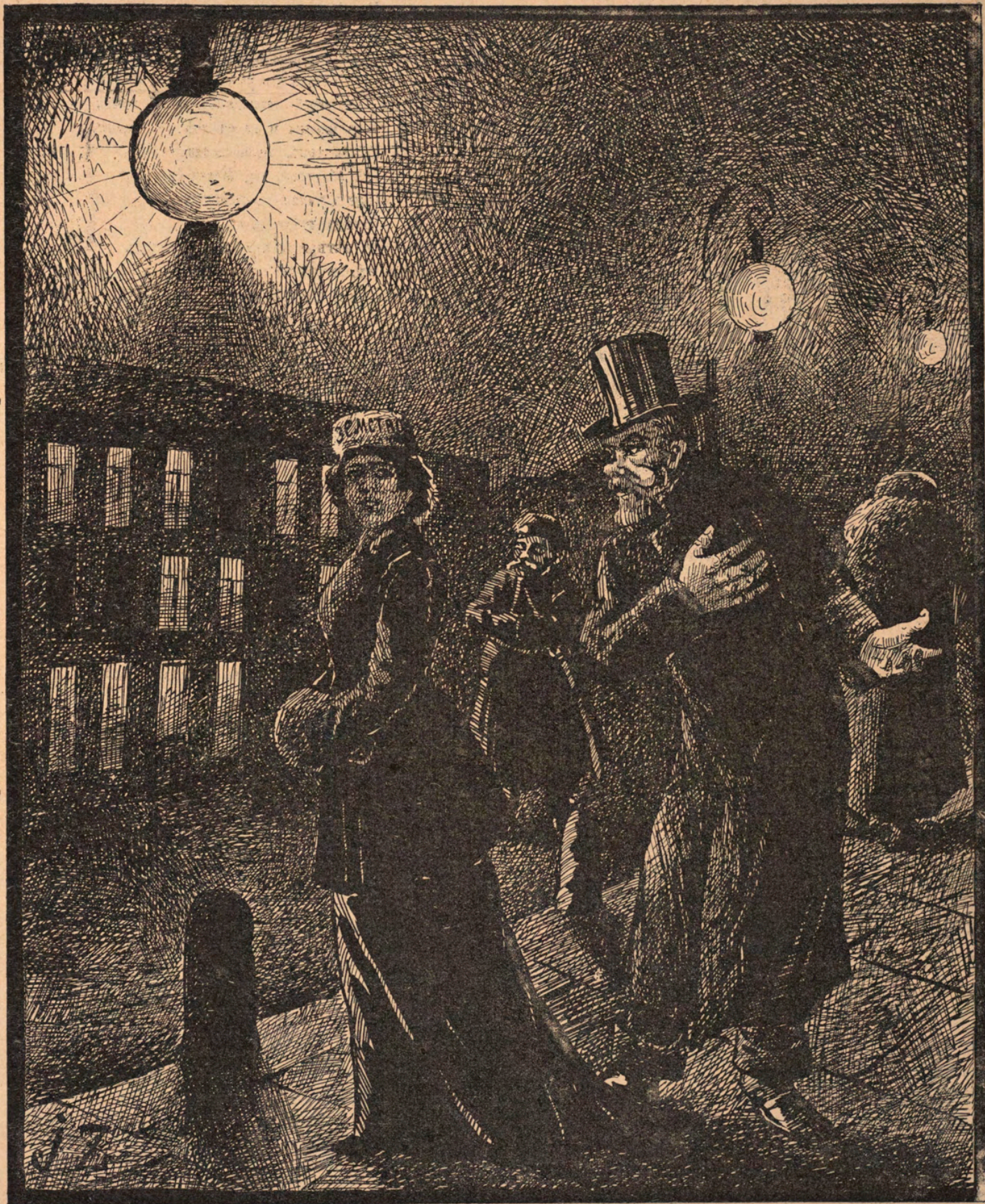
— За что-же спрашивается я сидѣлъ, объясните.

— Не можемъ—знать, ихъ превосходительство, господинъ Дурново, такъ-же не знаютъ, говорятъ что имъ Ваша фамилія—не особенно правилась, если я не ошибаюсь. Вотъ, другъ, какія у насъ дѣла! Да, ничего, привыкли! Голодаемъ, холодаемъ, бьютъ насъ, разстрѣливаютъ,—хоть бы что. Вы, небось смѣтаете тамъ, за границей. Ты не подумай, дружище, что намъ хоть плюй въ глаза, а все будетъ Божья роса! Далеко не такъ. А что молчимъ мы пока, такъ это бабушка на двое сказала. Терпѣніе русскаго человѣка велико, охъ какъ велико! Да и много насъ, на Руси святой!—охъ какъ много. А сила, солонку ломить. Не сокрушайся обо мнѣ, другъ! Близокъ ужъ, яркій лучъ свободы. Да здравствуетъ она! Пиши—но не спрашивай ни о чемъ.

Р. К.

А. Б. 190

Мы дадимъ читателямъ серію типовъ—представителей народившихся партій. Въ этомъ № помѣщаемъ типъ революціонера и члена партіи правого порядка.

Революціонеръ.

Пришла зима неслышною стопою,
И вслѣдъ за ней примчались непогоды:
Дрожить земля подъ стужей снѣговою,
Въ оковахъ льда застыли робко воды...

Сталъ бѣдный міръ огромною тюрьмою,—
Лишенъ благой живительной свободы,
И людямъ страшно видѣть предъ собою
Гнетущій сонъ подавленной природы!

Но этотъ духъ мертвящій и суровый
Убить не въ силахъ сѣмя возрожденія
И мартъ сорветъ холодные покровы,
Всегда лелѣя пылкія стремленія:

Въ вѣнцѣ лучей, на подвиги готовый
Онъ разобьетъ цѣпей мертвящихъ звенья.

С. Б-вз.

Канарейка.

(Индійская басня).

Когда великій Мегадева
Пернатыхъ маленькихъ творилъ,
Какой-то птенчикъ, полонъ гнѣва,
Ему съ укоромъ заявилъ:
—„О, Боже правый!.. Неужели
Въ твоихъ садахъ получше красокъ нѣтъ?
Смотри, въ какой невзрачный сѣрый цвѣтъ
Твои персты меня одѣли!..
Ужели тамъ, на небесахъ,
Гдѣ обитаешь ты, Могучій,
Нужда такая въ голосахъ
И нѣтъ пріятнѣе созвучій,
Чѣмъ тѣ, которыми меня ты наградишь
И въ горлышко мое вложишь?!

О, смилуйся, Великій, надо мною!
Не обдѣли меня красою
И въ благодати своей не будь ужъ очень строгъ:
Дай голосокъ мнѣ позвучнѣе,
Окраску перьямъ посвѣтлѣе,
Чтобъ я тебя-жъ тѣмъ жарче славить могъ!“

Взглянувъ на птишку съ сожалѣньемъ,
Создатель, внявъ ея моленіямъ,
Тотчасъ ее преобразилъ
И—въ Канарейку превратилъ.

Взмахнула весело счастливица крылами
И понеслась полями и лѣсами
Творца вселенной прославлять...
Но долго не пришлось бѣдняжкѣ полетать:
Забавнымъ пѣніемъ привлеченный
Охотникъ-птицеловъ
Изъ-за густыхъ кустовъ
Подкравшись къ птичкѣ утомленной,
Въ мигъ сѣтью бѣдную накрылъ
И въ кѣтку навсегда пѣвунью посадилъ.
А сѣрый воробей, покорный скромной долѣ,
Чирикаетъ себѣ и прыгаетъ на волю!..

Такъ нынче и у насъ:
Чуть кто-нибудь рѣчистѣй да виднѣе,
Того и жди—за „вредныя идеи“
Посадятъ въ „кѣтку“ въ тотъ же часъ!

—А—З—Р—А—.

Изъ новыхъ поговорокъ.

Вотъ тебѣ бабушка и 17-ое октября!

Иди—такъ иди,—сказалъ редакторъ сатирическаго журнала когда его жандармы отвезли въ „кресты“.

Вчера и сегодня.

Я *вчера* еще жалкимъ рабомъ былъ—позора..
Изнывала оковами сжатая грудь..
И не смѣлъ обратить я печальнаго взора—
На покрытый страданьемъ и терніемъ путь!.

Я влачилъ неуклюжія, ржавыя цѣпи
Безъ надеждъ:—на просвѣтъ; на ликующій пиръ
Упоенной цвѣтами, мятущейся степи;
На свободный,—свободною волею—міръ...

Я не смѣлъ—рабъ-позорныхъ законовъ насилья—
„Новой эры“ мучительно, жадно желать!—
Мнѣ безжалостно срѣзали—мощныя крылья,
На уста наложили безмолвья—печать!..

Палачи мнѣ оставили уши и очи:—
И услышалъ я „новыхъ“ рѣчей—благодать..
И узрѣлъ,—какъ изъ мрака таинственной ночи—
Солнце—правды, любви—не замедлило встать!..

И *сегодня*, презрѣвъ „уложенья“, „уставы“—
Рвусь я сердцемъ на новый, открывшійся путь,
Орошенный слезами, въ сіяніи славы!..
И рыдаетъ отъ счастья—усталая грудь...

Теор. Карповъ.

Вѣсти и слухи.

Намъ сообщаютъ, что на этихъ дняхъ военнымъ министерствомъ, по особому докладу военного министра, утверждена новая форма для генераловъ. Прежняя форма генеральское пальто—красные канты и такая-же красная подкладка—отмѣняется совсѣмъ и замѣняется черною подкладкой и кантами. Въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ по этому вопросу было особое засѣданіе, весьма бурное и многорѣчивое, генералы, носящіе мундиръ—протестовали, но статскіе генералы, во главѣ съ гр. Витте, Дурново и другими, рѣшили съ большинствомъ—за уничтоженіе краснаго цвѣта. Мотивы установлены слѣдующіе:

I. Красный цвѣтъ въ одеждѣ русскихъ генераловъ, въ данное, тревожное, въ силу революціоннаго движенія, время, можетъ очень вліять на духъ нижнихъ чиновъ, среди которыхъ идетъ усиленно „красная“ пропаганда.

II. Черная краска, на кантахъ и подкладкахъ генеральскихъ пальто послужитъ въ то же время всѣмъ русскимъ генераламъ воспоминаніемъ, пріятнымъ и святымъ, о побѣдахъ и геройскихъ дѣлахъ, выигранныхъ ими на поляхъ и въ горахъ Маньчжуріи.

Государственный Совѣтъ вполне согласился съ этими мотивами.

Кесъ-ке-се.

— Виновать Ваше Превосходительство, вы изволите думать.....

— Я, сударь, служу-съ, а не думаю!....

Партія правового порядка.

— Почему для министровъ при командировкахъ отпускаютъ прогонныхъ на 18—24 лошади?

— Вѣроятно потому, что они тяжелые люди.

„Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“—сказалъ „охранитель“, снимая часы съ избитаго имъ обывателя.

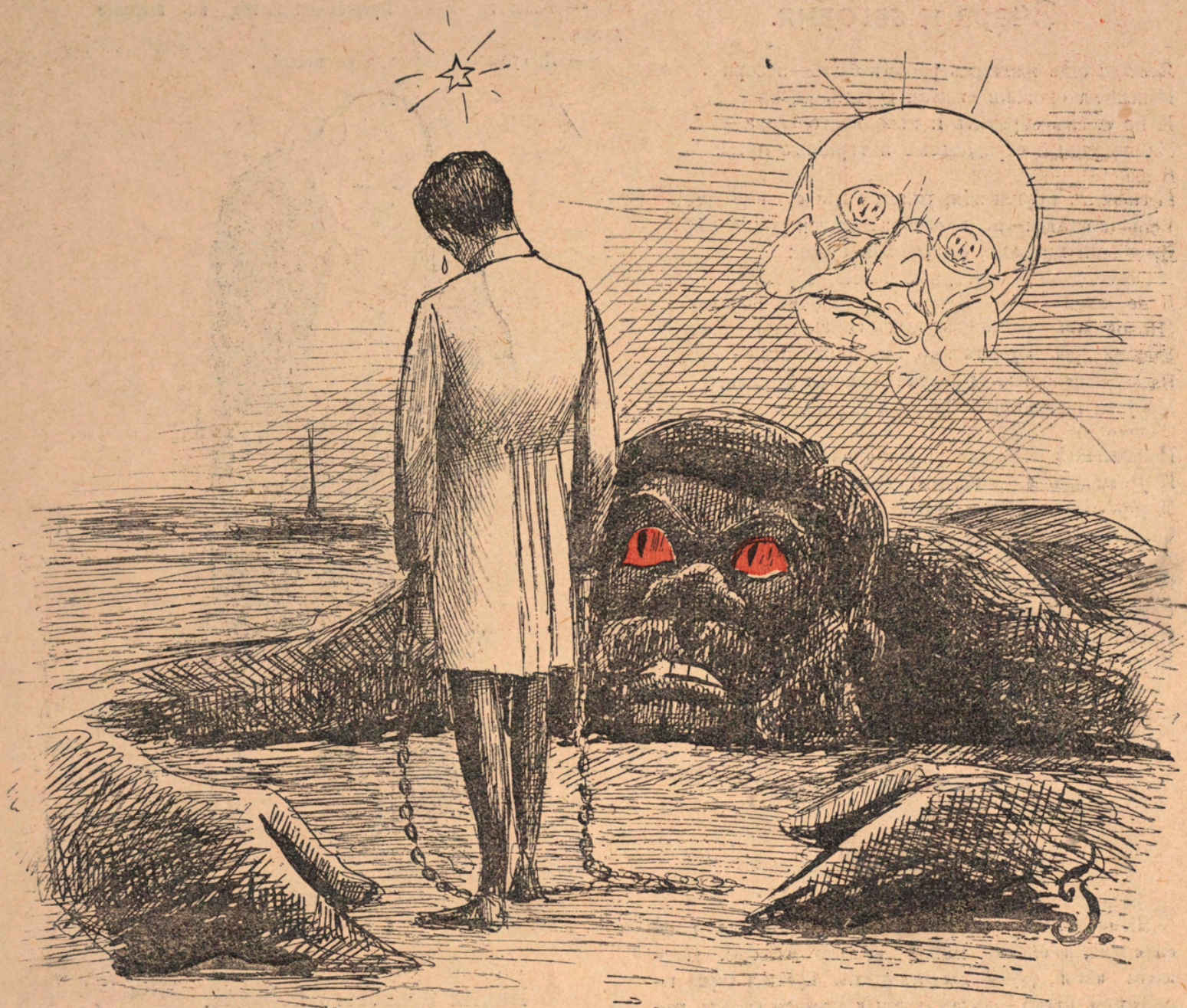
Что страшно японцу и пріятно полицейскому чину?

„Бери — бери“.

Брось палку въ собаку,—а въ „охранника“ попадешь!

Отъ „Петропавловки“ и „Грестовъ“—не отрекайся!

Издатель Ф. К. Зиминъ.

Отв. редакторъ В. М. Онгирскій.

Открыта подписка на 1906 годъ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„О В О Д Ъ“

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 4 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 коп. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

Пріемъ по дѣламъ редакціи: въ воскр. отъ 1 до 4 ч. дня, по вторник. и четверг. отъ 8 до 9 ч. вечера
Редакція и Контора помѣщается: Дегтярный пер., д. № 14, кв. 28.

ОЗОРЪ

Журналъ ЛІТЕРАТУРНО-САТИРИЧЕСКІЙ

Цѣна 10 коп

Злой духъ кровавыми руками
Народъ безжалостно сдавиль...

А добрый съ кроткими очами
Воскликнулъ: ты не побѣдилъ!

[На одного въ трое ударимъ разомъ,
воюя съ мужичьемъ].

Прочь, дерзкій съ дороги! Ты видишь — насъ трое!
Ужель тебѣ жизнь не мила?
Уйди, безразсудный! Оставь насъ въ покоѣ,
Съ руки намъ полночная мгла.

Не будь же упрямымъ! Послушай совѣта:
Прольется невинная кровь.
Насъ трое! На всѣхъ насъ кольчуга надѣта!
— Молчите! Сильнѣе Любове!

Давайте сразимся: Посмотримъ кто, сгинетъ
Въ позорномъ неравномъ бою!
Я Мощь! Я сильнѣе! Любовь не остынетъ
Къ свободѣ въ забитомъ краю!..

Евгеній Опылинъ.

О! воистинну смута одна,
По российскимъ равнинамъ кочуетъ,
Всюду, всюду крамола видна
Антаторъ, народъ нашъ волнуетъ.
Заставляетъ кричать мужика,
Что повсюду мужикъ голодаетъ,
Что нужда не въ терпѣжъ велика,
Что земли мужику нехватаетъ,
Что мужикъ набиваетъ травой,
И древесной корой свое брюхо.
О! крамошный, кощунственный вой!
Мудреноль, что правительство глухо!
Да чего-же, чего-жъ мужикамъ?
Неужели травы съ корой мало?
Иль пустить какъ министра къ овсамъ!
Да вѣдь это лишь знатымъ пристало.

Ершъ.

ПЕЧАТИ.

Надъ исторіей глумленья
Повергають просто въ дрожь:
Въ томъ секретъ успокоенья,
Чтобъ въ странѣ царила ложь;
Приурочить такъ законы,
Усмотрѣнье такъ развить,
Чтобъ нечистые затаны
И во вѣкъ не распрудить!

Въ старину примѣры были, *)
Что грозили головой
Той строптивой новой силѣ,
Что лилась въ печать молвой.
А у насъ — теперь, какъ прежде
Головою не грозятъ, —
Но попутному невѣждѣ
Мысль „подсуживать“ велятъ...

Отчего же мысль все зрѣетъ
И строптивость все растетъ,
Хоть языкъ давно нѣмѣетъ
Привести всѣхъ „мѣръ“ подсчетъ?!
Оттого, что жизнь вѣлѣнья
Шлетъ: за правдой поспѣшить, —
А общественнаго мнѣнья
И цѣпомъ не перебить!

Гіталь.

Я прославляю плеть и кнутъ,
Доносомъ, сыскомъ занимаюсь
И ретроградомъ называюсь
Не даромъ я...

Гринмутъ.

Имѣю массу орденовъ,
Пріятныхъ сердцу и отрадныхъ,
Но „орденъ“ партій ретроградныхъ
Милѣй мнѣ...

Комаровъ.

Отъ либеральныхъ все затѣи
Теперь народъ такой сталъ дерзкій,
Что даже „дружескихъ рѣчей“
Не слушаетъ...

Мещерскій.

Да, мнѣ удѣлъ печальный данъ:
Я „знамя“ съ гордостью несъ прежде,
Теперь осталось быть въ надеждѣ
На „друга“...

Крушевъ.

*) Декларация 16-го апрѣля 1757 г., каравшая смертной казнью нарушеніе нѣкоторыхъ правилъ о печати.

Колыбельная пѣсня.

Баю, баюшки, баю,
Конституцію мою,
Конституція моя
Да скороспѣленькая,
Ты скорѣ засыпай,
Намъ работать не мѣшай.
Мое дитятко, любя,
Все устрою безъ тебя.

Припѣвъ { Баю, баюшки, бай, бай
Пусть тебѣ приснится рай.

Конституція моя,
Да скороспѣленькая,
Беззаботно засыпай,
Глазки, ротикъ закрывай,
Если будешь ворковать,
Черныхъ я велю позвать.

Припѣвъ.

Конституція моя,
Да скороспѣленькая,
Да чего-же ты не спишь,
Съ пистолетикомъ шалишь,
Пистолетикъ скорѣй брось
И уснешь тогда, авось.

Припѣвъ.

— Да что-же ты не спишь противная! Сейчасъ тебя дядѣ
Побѣдоносцеву отдамъ! ну, спи!

Конституція моя,
Да скороспѣленькая,
Ты мамашѣ довѣрай,
Баззаботно засыпай,
Беззаботно засыпай,
Мнѣ судьбу свою ввѣрай.

Припѣвъ.

Вчерашній день, желая узнать судьбу конституціи, мы
отправились въ Пулковскую обсерваторію [просить, чтобы та-
мошніе астрологи погадали о ея будущемъ по звѣздамъ и вотъ:

Глазенапъ, нашъ астрологъ,
О судьбѣ ея гадая,
Такъ по звѣздамъ намъ изрекъ:
„Выростеть не засыпая.“

Бѣдная мамаша, много она попортитъ себѣ крови съ та-
кимъ ребенкомъ.

Ершъ.

Мечты осуществились.

Чудное майское утро глядело въ окно. Радостно чирикали птички, перелетая съ одной вѣтви на другую. Ласточка дѣлала гнѣздо подъ его окошкомъ. Съ какой любовью старалась она. Вѣдная птичка не знала, что есть на землѣ, злые, бездушные люди, которые шутя и безжалостно разорять ея семью! О, какъ они злы! Когда-то давно, давно и у него было свое гнѣздышко! Какъ уютно, тепло было въ немъ. Но въ одно утро пришли, взяли его и увезли! Это было такъ давно. Прошло 35 лѣтъ! Онъ не зналъ, что творится на свѣтѣ, отъ него отняли все,—кромѣ думъ. И онъ думалъ, надѣялся, что мечты его осуществятся. Гдѣ-то, далеко-далеко въ душѣ таилась надежда на что-то свѣтлое, радостное! Быть свободнымъ, было его мечтой. Имѣть право думать и говорить все, что чувствуешь! Быть человекомъ, а не подлымъ, пресмыкающимся рабомъ. Онъ ждалъ 35 лѣтъ! Его мечта сбылась! Онъ свободенъ, гражданинъ, человекъ! Но онъ одинъ! Гдѣ его семья? Кто ее отнялъ у него? Кто право имѣлъ лишить его счастья, кому отчетъ дадутъ его палачи и не ему, одному, а сотнямъ, тысячамъ такихъ же какъ онъ. Свободенъ! ха, ха, ха. За что издѣваются надъ нимъ. Зачѣмъ было обманывать измученныхъ и несчастныхъ этимъ чуднымъ, дивнымъ призракомъ. Поманить, показать, оживить на мигъ, потомъ безжалостно отнять и душу и тѣло.

— Свобода и тюрьма! Неприкосновенность личности и убійство! Онъ боится выйти на улицу, боится громко говорить. Всюду шпионы, палачи... людей калѣчатъ, за то что они идя по улицѣ говорятъ. Молчать! Всюду всѣ должны молчать! Свобода слова! гдѣ онъ читалъ объ этомъ. Бр... ужасъ беретъ при одномъ звукѣ слова „свобода“. Что значить над-

пись надъ входомъ Дантова Ада, въ сравненіи съ этимъ ужаснымъ словомъ! Кругомъ кровь, стоны, плачь, голодъ, холодъ и опять кровь... Одни умирають, другія, за ихъ смерть возвышаются! Рвутъ на части дѣтей, женщинъ насилуютъ, жгутъ, расстрѣливаютъ ни за что! Стоить ли объ этомъ говорить. Сегодня ведутъ въ тюрьму ребенка, завтра выпускають на арену убійцъ!.. Торопитесь, торопитесь скорѣй возвеличиться всеисильные. А то поздно будетъ. Вдали рисуется какая то неясная фигура. Она быстро растетъ и приближается. Она необъятна и велика какъ Божій миръ. Шутъ ея осипанъ цвѣтами. Неземное цѣніе слышится за ея спиной. Что это? Онъ вскопчилъ и замеръ! Убитые воскресаютъ, рѣшетки тюремъ распадаются, кандалы падаютъ! Кто это? Кто та дерзновенная особа, что безъ спроса вступаетъ въ оберегаемые вами города? Лица всеисильныхъ темнѣють отъ злобы, спины сгибаются, ноги трясутся. Она потребуетъ отъ васъ отчета! У васъ, не признающихъ Бога и людей! О, ей вы не страшны теперь! Она явилась быстрѣ чѣмъ вы думали; нѣтъ вамъ пощады, какъ не было и тѣмъ, чьей кровью вы упивались. Съ ея приходомъ жизнь и сонъ!

Свободы лучъ, живительный могучій.
Вдругъ засіялъ изъ за нависшихъ тучъ!
И влился въ сердце онъ струей кипучей,
Столь долго жданный Богомъ данный лучъ!
Въ мгновеніе все вокругъ преобразилось!
И пережитое ушло далеко прочь...
А сердце радостно и трепетно забилося,
Сіяетъ день! Смѣнявъ на вѣки ночь!

Р. К.

Брехуну „братцу“ Сергѣю.

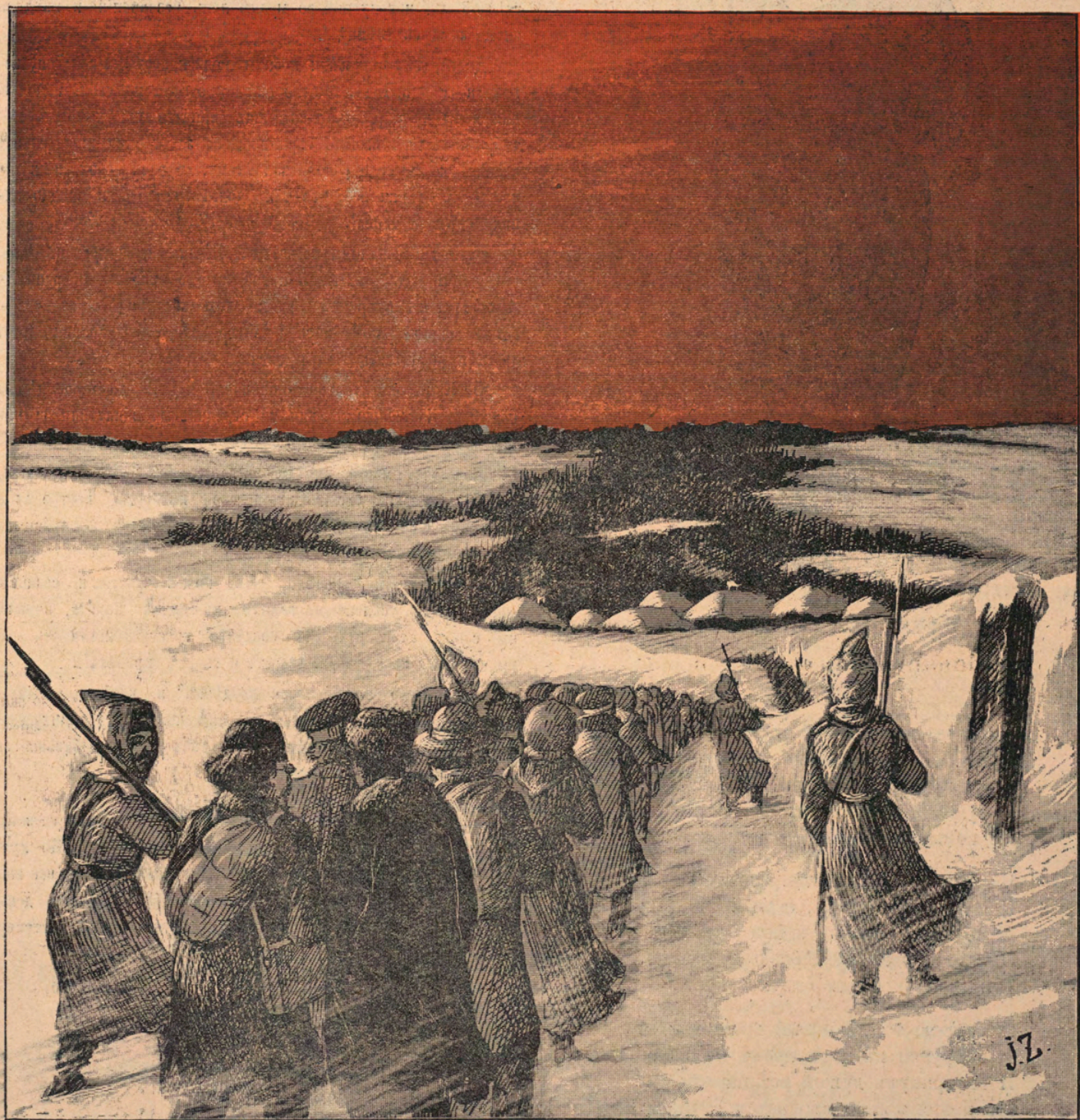
Я не скажу тебѣ какъ жадно
Хватають дѣти хлѣбъ изъ рукъ,
Какъ въ темной комнатѣ прохладно,
И сколько въ сердцѣ скорбныхъ мукъ.

Я не скажу тебѣ какъ страстно
Въ свободу вѣрить старъ и малъ...

Какъ козни всѣ твои напрасны,
Какъ ты въ глазахъ Народа палъ!..

Я не скажу тебѣ ни слова,
Какъ ты объ этомъ не проси
Но видитъ Богъ, лжеца такого
Никто не помнитъ на Руси!..

Р. К.

Монархистъ-конституціи

* * *

Закаляется духъ мой въ стихійной борьбѣ
Пусть я жертвой паду, но не сдамся судьбѣ
Я не вѣрю въ могущество рока.
И судья и палачъ буду я самъ себѣ,
Не боюсь надо мной власть порока.

Человѣкъ—царь земли. Властелину-ль, рабамъ
Покориться и пасть, если мощенъ онъ самъ;
Я не трусь передъ новой борьбою.
Я судьбу покорю, я воздвигну свой храмъ
Новый путь я для свѣта открою.

Я открою толпѣ новый храмы бытія,
И сбѣрутъ въ тотъ храмъ и враги и друзья
И воспрянутъ душой всѣ народы.
Къ новой жизни проснется отчизна моя,
Въ сѣни братства любви и свободы.

А. Щегловъ.

НОКТЮРНЪ.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Это было давно!.. Но отзвукъ тѣхъ первыхъ счастливыхъ минутъ до сихъ поръ не могъ заглушить тревоженій потускнѣвшей жизни и лязгъ цѣпей!..

Онъ не перестанетъ жить въ моей истерзанной душѣ до конца дней моихъ, до тѣхъ поръ, пока постепенно переходя отъ неувимыхъ аккордовъ, не выльется могучею и мощною пѣсней, торжества правды и просвѣщенія!..

Я, какъ сейчасъ помню этотъ день, принесшій столько горя и разочарованій, ярко вспыхнувшій ослѣпительно свѣтлою звѣздой и... потонувшій во мракѣ лжи, безначалія и въ душномъ воздухѣ темницъ!..

Долго, долго плакали небо и люди кровавыми слезами, не находя себѣ выхода, тщетно ожидая отвѣта на свои, наболѣвшія думы и, вотъ въ одинъ изъ настанныхъ, хмурыхъ октябрьскихъ дней взошло, скрывавшееся за тучами живительное солнце, какъ молнія прорѣзало тьму, бросая свои нѣжные, чистые лучи на все, что такъ долго томилось и жадно алкало свѣта и тепла!..

Отлетѣли печали и невзгоды... Жизнь предстала въ сияніи раи и люди, чистые и непорочные въ своихъ искреннѣйшихъ желаніяхъ правды и не хотѣвшіе видѣть въ «другихъ» скрытое подъ маской ласки зло, поздравляли другъ друга и радовались какъ дѣти...

О! Какъ они горько ошиблись, какою дорогою цѣною искупали довѣрчивость, какими страданьями заплатили за мимолетную прелесть «весны!..»

Ихъ было много, имя имъ народъ, враговъ-же небольшая, жалкая стая, но отстаивавшая свои интересы, построенные исключительно на гибели ими угнетаемыхъ и попираемыхъ дѣтяхъ страны...

Когда враги увидѣли, что новыя чувства и сознаніе силы забились усиленнымъ темпомъ въ сердцѣ народа, поняли, что скоро, скоро рухнетъ, созданное преступленіями ихъ зданіе, если эта сила—гордо взоветъ о своихъ правахъ!..

Враги сбросили „маски злодѣевъ“ и, надѣли другія—„маски притворства“, будучи увѣрены что на эту удочку скорѣе попадутся, чистые и безгрѣшные, такъ упорно добивавшіеся свѣта и правды...

И опять заплакали и небо, и люди кровавыми слезами, очерствѣли ихъ сердца, и яркое солнце померкло. Но лучи его проглядывая изъ за тучъ согрѣвали тихимъ свѣтомъ все живое и прекрасное, питая надеждою—что „близокъ тотъ день, когда живительные снопы свѣта зальютъ и согрѣютъ всю страну.

Ж. Карповъ.

Лѣснь редактора.

Трудно, трудно въ нашъ вѣкъ безначалія
 Быть журнала редакторомъ. Судь,
 Говорить „попадешься каналія,
 И въ „кресты“ тебя съ честью свезутъ“.
 А теперь, какъ на зло, расписались,
 Литераторы — съ ними какъ быть!
 Написали, — въ сторонкѣ остались,
 А меня — „подъ статьи“ подводить!..
 Научите, друзья, какъ устроиться!
 Облегчите неволю мою!
 Какъ печатая „все“, успокоиться:
 Что „надзоръ“ не „пригонитъ“ статью?!

Р. Р. Т.

Ж. Р.

Объявленія.

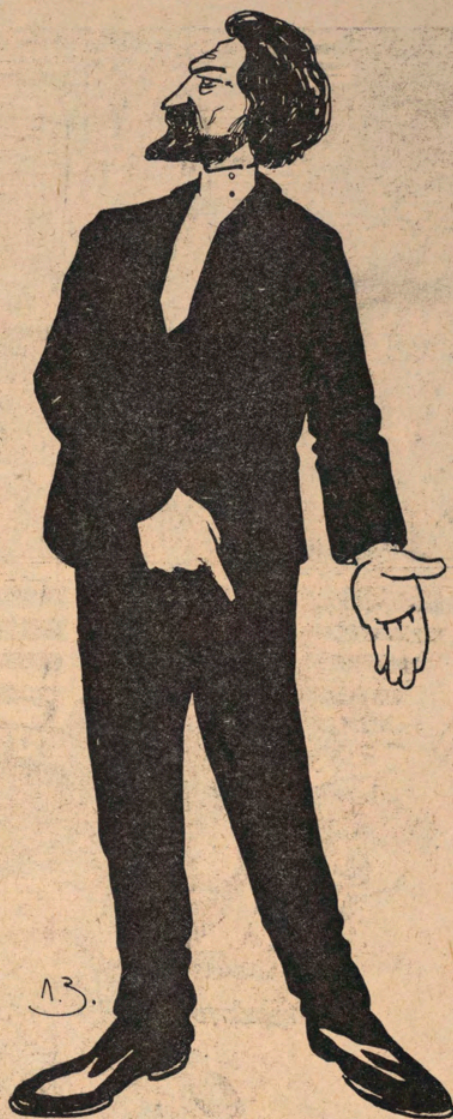
Молодая, красивая, интеллигентная барышня, лишившаяся средствъ къ существованію — съ прекращеніемъ игры въ экартэ, — желаетъ выйти замужъ за „отставного“ шуллера, для совмѣстнаго „открытія“ тайнаго игорнаго притона... Возрастъ и сословіе безразличны. „Грязнымъ желаніямъ мѣста нѣтъ“. Предложенія адресовать: — СПБ. Главный Почтамтъ, предъявит. колоды „крапленныхъ“ картъ.

По слухамъ, правительствомъ уже окончательно рѣшено приступить къ постройкѣ нѣсколькихъ броненосцевъ и крейсеровъ. Весь вопросъ лишь въ томъ: кому поручить столь важную для Россіи задачу, «Русско-Американской резиновой Мануфактурѣ» или обществу «Проводникъ».

Старые галоши покупаютъ оптомъ и въ розницу доставлять: въ Адмиралтейство или на Балтійскій судостроительный заводъ.

Утеряна вѣра въ партію Правовой порядокъ. Нашедшаго убѣдительно прошу обращаться съ крайней осторожностью.

Издатель Ф. К. Зиминъ.

Радикалъ.

Убѣдительно прошу разыскать, за большое вознагражденіе, русскаго гражданина, безъ различія вѣроисповѣданія и національности искренно вѣрующаго словамъ Витте.

Варшава, музей Паноптикумъ.

Отв. редакторъ В. М. Онгирскій.

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„О В О Д Ъ“

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 4 р; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 коп. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

Пріемъ по дѣламъ редакціи: въ воскр. отъ 1 до 4 ч. дня, по вторник. и четверг. отъ 8 до 9 ч. вечера.

Редакція и Контора помѣщается: Дегтярный пер., д. № 14, кв. 28.

